

МАРГАРИТА СМИРНОВСКАЯ

ПОИМАТЬ ЛАПТЕМ
УДАЧУ

БЕЗУМНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ОРИГИНАЛЬНОЙ ВИКИ

Annotation

Думала ли когда-нибудь обычная сельская девушка Вика о том, что на ее долю выпадут невероятные и захватывающие приключения, что опасность будет преследовать ее на каждом шагу, а казалось бы, обычный день начнется с покушения на жизнь ее подруги, знакомства с очень подозрительными личностями и многого другого? Ее жизнь изменилась в один миг. Что же для нее готовит госпожа Судьба? Кто такой этот таинственный парень Михаил и что еще предстоит узнать смелой девушке?

Поймать лаптем удачу

Безумные похождения оригинальной Вики

Маргарита Смирновская

Меня зовут Вика Рязанцева. Я уроженка Воронежской области Грибодовского района, из села с красивым названием Листопадное. Местная администрация давным-давно забыло бы про наше село, если б не местный «кулак» (как называют у нас таких) – бывший председатель колхоза. Когда началась перестройка, он очень быстренько прибрал все к своим цепким рукам. Открыл свою пекарню, стал засеивать поля, открыл магазины и теперь, благодаря его энтузиазму, наше местное население имеет постоянную работу, а вместе с этим и хорошие магазины, и горячий хлеб, и растительное масло, и свекольный сахар и все остальные прелести сельскохозяйственной деятельности. Моя тетушка работает у этого «кулака» бухгалтером. Она одна из немногих, кто получает у бывшего председателя вполне приличную зарплату и кучу продуктов в придачу. Для нее эта семья предпринимателей ничего не жалует. И тетушка так хвалила свою профессию, что мои родители даже слышать не хотели о том, что мое призвание – быть художником.

Я с детства ходила в сельский кружок к старому местному художнику Ивану Валерьевичу учиться рисовать. Но меня после одиннадцатого класса отправили в Борисоглебск, в училище, получать бухгалтерские навыки, так как на институт у моих драгоценных родителей денег не было. Моя мама работала воспитателем, а папа был летчиком на пенсии, он занимался частными грузовыми перевозками и охотой. Частные перевозки денег приносили немного, заработок этот приходился на лето, и его едва хватало на жизнь зимой и на одежду, которой меня тоже не баловали. Так, я с горем пополам выучилась на бухгалтера. Диплом я получила не красный, четверки были вперемешку с тройками, хотя могла поднапрячься и закончить на «отлично», но так как я жила одна, и родительских денег мне не хватало катастрофически, то я тайком от родителей подрабатывала в зоомагазине, работая два дня через два. Вот из-за моих пропусков занятий и был соответствующий результат. Почти все учителя знали, что я работаю, и относились с пониманием, но были и принципиальные зверюги: пусть ты не ходила на занятия, но выучила – все равно поставят «неуд». И еще были те, что принимали только деньгами, а не знаниями. Так напрямую и говорили: «Тройка – три штуки, четверка – четыре...». Я обходилась и тройкой.

По окончании ПТУ я не захотела работать на нашего «кулака». Не потому, что он плохой, просто, как говорят в народе, хуже нет, чем работать с родней. И поэтому я устроилась продавцом в зоомагазин в красивом городке Борисоглебске. Именно там были мои первые поиски «принца». Проработав в Борисоглебске три года и разочаровавшись в местных ребятах, я отправилась покорять Москву, а точнее, Раменское. Раменское – это маленький развивающийся красивый городок ближнего Подмосковья. Там я остановилась в общежитии и устроилась в магазин «Четыре лапы». Жила очень бедно, от аванса до зарплаты. Меня даже подкармливали соседи, когда я мыла общую кухню и коридор с туалетом. Так я прожила год, пока к нам не подселился молодой парень Серега Гуцин. Сережа был одним из тех парней, при виде которых всегда думаешь: «А как я одета?». Сам он всегда одевался в дорогих бутиках и выглядел очень ярко и стильно. Откуда у него были такие деньги, мне до сих пор непонятно. Такие ребята меня всегда отталкивали, но в тоже время в Сереже было столько природного обаяния и шарма, что я и по сей день? немного в него влюблена. В хорошем смысле слова, конечно. Это как влюбиться в артиста, певца,

в недостижимую звезду, но не как в обычного парня. Возможно, у нас могло что-то получиться, если б Сергей однажды не пригласил меня посидеть вдвоем и выпить коктейль...

Это для меня звучало примерно так: «Я очень вежливо тебя напою, а потом затащу в кровать...». Все дело в том, что, как только мы познакомились с Сережей, он устроил меня к себе на колбасный завод. Работа была тяжелая, но хорошо оплачиваемая. Меня с моим бухгалтерским образованием взяли работать в термичку. Это такое место, где стоят термопечи, в которых варится и коптится колбаса, сосиски и все остальные мясные изделия. Там я сидела и записывала, когда и какие рамы с колбасой или сосисками поставили в термокамеру, и когда они вышли оттуда. Работа была тяжелой из-за графика: сутки – двое, сутки через сутки. А так там ничего сложного не было. Сам Сергей работал старшим технологом. Ему подчинялись все термисты и грузчики. И вот среди ребят я прослыла толстокожей девственницей. И все почему? Потому что при разговорах про секс я краснела, и все поняли, что я в свои двадцать четыре года все еще невинна. И теперь каждый заводской парень пытается покорить неприступную вершину. Меня это еще больше раздражает. Все зовут на домашний сеанс, на вечеринку, на Новый год к себе домой... Признаются в любви и обещают жениться... Да как бы не так! Женятся они, как же! В общем, Серега Гушин тоже подходил. Я всех отшила, и отшиваю по сей день. И вот дошло до смешного: мне двадцать четыре, а я еще девочка нетронутая. И все потому, что я в четырнадцать лет безответно и безвозвратно влюбилась в одноклассника. И так сильно влюбилась, что подойти и заговорить с ним не смела, хотя он о моих чувствах знал, да и вся деревня тоже. Все смеялись над нами, подшучивали, когда я мимо него проходила. Когда я уехала учиться в ПТУ, он поступил в Воронежский институт. В Борисоглебске я ему верность хранила, письма писала, посылала стихи... Один раз я получила на Восьмое марта неподписанную открытку. От кого – не знаю. А когда окончила ПТУ, узнала, что он женился. И чтобы переключиться, поставила себе цель: раз не он, то найду принца! Но принца я, ни там не встретила, ни на заводе в Раменском. Перевелись нынче настоящие парни. Все живут легко и беззаботно, не имея никаких жизненных принципов. У всех одна цель: встретиться в клубе с друзьями, выпить на халяву и получить ничем не обремененный секс. А я так не могу. Меня бесит, что с первой встречи лезут обниматься, а со второй целоваться или сразу приглашают в свой шатер. Возможно, я старомодная или у меня на девственной почве завелась куча тараканов и комплексов, но в гробу я видала таких парней! Нет бы красиво познакомиться, сводить меня в Кусково, показать Коломенское озеро, рассказать о себе... А то: «Викусик, у нас намечается с друзьями отличная туса: боулинг, кальян, мягкие диванчики в укромном месте...». Тьфу! Нет, я, наверное, заиклилась...

На мясокомбинате я познакомилась с очень хорошей женщиной. В коммуналке, где она жила, по стечению обстоятельств освободилась комната, и женщина предложила мне в ней жить, выплачивая только квартплату. Бывают же в жизни чудеса! И встречаются такие люди. Я, не раздумывая, переехала в эту квартиру. А там буквально все принадлежало молоденькой хозяйке Маше. Маше было двадцать три года. Она была такая же худая, как и я, носила сорок второй размер, ростом мы были одинаковые и размер обуви у нас был один. Только Маша за собой очень следила. Это была миловидная блондинка, эдакая «Барби». Несмотря на свою привлекательность, она была свободной девушкой и при этом – молодой мамой, с четырехлетней дочкой Инной. В свои двадцать три Маша уже успела выйти замуж, дожидаться мужа из тюрьмы, нахлебаться от него побоев и гонений, развестись, найти любовь

и снова стать брошенной. Жизнь у нее была ключом. А еще Маша была идеальной хозяйкой, очень чистоплотной, отлично готовила, и даже если к ней приходил целый наш цех неожиданно-негаданно – у нее всегда было чем угостить даже такое количество непрошенных гостей.

Я же не была столь прекрасна, как Маша. Ужасный характер, огромные серые глаза, брюнетка с длинным утиным носом. Все как-то чересчур. В зеркало я редко смотрюсь и за лицом не ухаживаю. Крашусь только на смену, да и то, идя со смены, забываю потекшую тушь подтереть. Готовить тоже не люблю. Ем полуфабрикаты и творожки. Но, несмотря на нашу разность, с Машей мы очень подружились. Она меня всегда ждала с суток, варила кофе, делала горячие бутерброды и всегда рассказывала, что произошло за сутки, пока меня не было.

Глава 1

В это утро я приехала с суток уставшей, как всегда еле волоча ноги. Меня давно стало пугать, что к концу рабочего дня сердце начинает бешено стучать, в левом боку покалывает и голова кружится. Видимо, мой организм уже просто-напросто требовал отпуска. Ведь я уже и так три смены отработала сутки через сутки, и две смены сутки через двое. И, по-видимому, мои сосуды перестали справляться и дали сбой. Сейчас меня одно радовало: через две смены – отпуск на две недели! Я планировала вместе с Машей поехать по горячей путевке в Египет и уже получила загранпаспорт. Маша же занималась поиском нужного отеля. В общем, я жила ожиданием отдыха.

Уже с порога я почувствовала запах свежего кофе. Бросив сумку на пол и скинув с ног балетки, я прошла на Машину просторную сталинскую кухню. Сначала я не сразу сообразила, что не так. На столе две чашки кофе, разогретые бутерброды, салат... Бутылка с вином! Вот что! Маша любитель потусить с Кристиной, своей давней замужней подругой. Маша даже бывает, напивается, но чтобы с утра и дома – такого никогда не было.

– Привет. – Я буквально упала на стул. – Что отмечаем?

Маша не сразу посмотрела на меня. Она сначала выдернула штопором пробку и разлила вино по фужерам.

– Здесь без вина не пойдет, – сказала она.

Я присмотрелась к ней. Она бледно накрасилась? Или со вчерашнего дня косметику не смыла? А почему она одета? Обычно Маша дома ходила в пеньюаре почти до одиннадцати часов дня. Она стирала, гладила, готовила, успевала волосы уложить и даже маску для лица сделать, болтая с подругами по телефону. Я всегда ею восхищалась. Сама-то я ничего не успевала. Приду, съем Машин завтрак, приму душ – и сплю до следующего утра, если Маша меня не разбудит на ужин. А Маша успевала к половине двенадцатого на работу и, вернувшись в пять вечера, забрать дочку из садика, приготовить, постирать, погладить, сходить с подругами в клуб или встретить их у себя дома. Тут надо уточнить, что Маша просто работала секретаршей у родного дяди, поэтому могла себе организовать вот такой удобный график.

Я так крепко спала, что обычно гостей не слышала. Так вот, в этот раз Маша была одета. Она дала мне бокал.

– Пей.

И выпила свой залпом. Я терпеть не могу спиртное, так как из горького студенческого опыта знаю, что алкоголь не переношу. Выпила я как-то в компании однокурсниц на Новый год шампанского – и меня так понесло! Я ничего не помню, но зато все училище наутро знало, как я люблю своего одноклассника, и как я несчастна из-за того, что он на мои письма не отвечает. Что я еще натворила – я побоялась спрашивать. Но повторять свой горький опыт не хотелось. Поэтому, чтобы не обидеть подругу, я сделала вид, что отпила, и поставила фужер на стол. Маша налила еще бокал и осушила его.

– Вика, ты поможешь мне? – начала она с надеждой в глазах.

В моей голове мигом нарисовались варианты помощи: забрать Инну из сада, посидеть с ней до утра... Ну, готовить она меня не попросит... А что еще может быть?

– Помогу, – пообещала я и начала есть бутерброды. – А что нужно?

– Надо Павла найти. Он пропал.

Ну вот. Опять новая история. Я живу с Машей уже полгода. За это время она развелась с мужем, потом нашла нового парня, любовь всей жизни, который ее бросил, забрав энное количество ее золотых украшений, и вот теперь – Павлик.

– Что он украл?

Это была моя первая мысль. Неудачная. Маша встала из-за стола и нервно продолжила.

– Вика, он ничего не украл! Он богат, ему не до безделушек. Его брат хочет убить. Он ищет его, и все из-за бизнеса. Сегодня мы должны были ехать в Испанию, а Паша пропал.

Надо объяснять, почему я подавилась?!

– А как же Египет? – опешила я.

Нет, ну, правда! Я понимаю, что я одиноличница, думаю о себе, когда кого-то хотят убить, но как же мой отпуск, на который я столько копила?!

– Там бы встретились, – бросила как само собой разумеющееся Маша. – Надо ехать к Деме, а я одна боюсь. Поедешь со мной?

Что-то мне все это напомнило какой-то сериал. Его хотят убить, а она его любит и спасает... Мне все это показалось наигранным и нереальным.

– Если ты так хочешь, то поехали. Только объясни мне, кто такой Паша, кто Дема и кто его брат.

Со слов Маши все выглядело так. Паша из богатой семьи, которая владеет несколькими организациями, в том числе строительной фирмой, которую ведет сам Павел. Его брат заведует региональным телевидением и пиар-агентством, но страшно хочет прибрать стройфирму к своим рукам, так как учился на архитектора, и фирма ему была обещана отцом. По-хорошему Павел не захотел фирму отдавать, и его брат Михаил стал ему угрожать. Сейчас Павел лег на дно и даже Маше не звонит, хотя утром они должны были лететь в Испанию. И Маша знает только то, что Пашин друг Дема верил финансовому директору. Остальные его друзья тусуются в клубе «Лабиринт», но они будут только вечером. А до вечера его могут убить, если уже не убили.

Этот рассказ мне показался чистым блефом Паши, который просто кинул дурочку и уехал с новой пассией на Мальдивы. Кому понадобится, имея свои два бизнеса, еще и стройку отобрать у родного брата? Хотя, конечно, все бывает, в семье не без урода... Но все-таки это вранье, ей-богу! А как сказать об этом наивной Маше? Что ж, пусть ищет сбежавшего принца...

Маша осушила третий бокал и побежала в туалет. Нервное, что ли, у нее? Ее полоскало очень долго. Я уже решила, что в бутылке был яд, и взяла, было, трубку телефона, чтобы вызвать скорую, но тут она вышла.

– Тебе лучше? – спросила я, увидев, что у нее потекла тушь, и цвет лица приобрел зеленоватый оттенок.

– Все нормально. Я просто беременна. Восемь недель, – расплылась она в улыбке.

– Что?!

Нет, я никак не пойму, чему она так радуется? Она реально не видит, что ее обрюхатили и кинули? Меня затрясло. К горлу подкатился ком, и я опять почувствовала, как меня уносит.

– Вика, не падай в обморок, не ты же беременна, а я! – Она посадила меня на стул. – Не переживай так за меня. В этот раз все по-другому. Когда его жена родит, он с ней разведется и женится на мне. Он меня любит, понимаешь, меня!

У меня все плыло перед глазами, я уже не понимала, снится мне это или нет.

– У него с женой контракт, только через год совместной жизни они могут развестись.

Они не живут, как муж и жена. Через два месяца будет год... – продолжала она.

– Поэтому она от контракта беременна, – вставила я. Но Маша не обратила на это внимания.

Как во сне я села в такси, и мы поехали в Люберцы. По дороге я вырубилась. Меня еле растолкали, когда машина припарковалась у особняка. Выйдя из машины, я спросонья никак не могла вспомнить, где я и что тут делаю, почему я с Машей, а не на работе. Маша уверенным шагом, несмотря на высокие шпильки, подошла к забору и нажала кнопку звонка. Ждать пришлось недолго, вскоре дверь открыл красивый молодой человек. На минуту мне показалось, что он как раз тот принц, о котором я мечтала. Блондин с зелеными глазами, среднего роста, отлично сложен, обаятельная улыбка. Я засмотрелась на него. И вдруг Маша налетела на блондина с кулаками.

– Ты, гад! Это все ты!

Маша ревела. Я никогда не видела, чтобы она набрасывалась на кого-нибудь. Даже когда ее бил муж, она не кидалась сковородой, лишь защищалась, запираясь в ванной. Я подумала, что это действие гормонов. Беременные действительно иногда делаются неадекватными. Парень же крепко обнял ее и молчал. Но Маша продолжала орать:

– Ты его убил! Ты убил! Где он? Я сама его похороню! Скажи мне, где его труп? Будь человеком...

Я ничего из этого не поняла. Кто этот красивый парень, и чей труп? Не зная, что делать, я вопросительно смотрела то на шофера такси, то на парня. По виду блондина было понятно, что он сам не знает, что с моей подругой, или попросту растерян. Наконец, когда Маша, захлебываясь слезами, замолчала, он сказал:

– Маша, ты такая умная и красивая. Тебе надо подумать о себе, а не о проблемах моего распутного брата...

Ах, вот оно что! Наконец я вспомнила. Ну да, мы же искали сбежавшего жениха. И ехали, если память мне не изменяет, к некоему Деме. Но зачем-то приехали к брату-убийце. И этот красивый сердцеед, по-видимому, по части разврата не отстает от своего женатого братишки. На что это он ей намекал?

Но Маша, не дослушав реплики будущего (а может, несостоявшегося) родственника, закричала:

– Ты и меня с ребенком убьешь! Ни перед чем не остановишься. Его убил – и меня, так? Убийца!

Мне стало противно. Маша явно не поняла намека на постель: «Ты такая же красавица, как и я. Подумай о себе. Будешь моей любовницей – и не будет проблем. Не то, что у моего брата». А бедная Маша все верит, что ее парня убили...

– Разве Паша мертв? – спросил парень и достал мобильник. Я держала рыдающую Машку. Видимо, трубку взяли. – И где ты? Не ожидал, что на тот свет дозвониться можно.

Он отдал трубку удивленной Маше. Я была поражена. Голова соображала плохо, но мне ситуация была совсем непонятна. Значит, Пашка хотел отчалить без Маши, с любовницей, например. Чтобы Маша не досталась брату и считала его мертвым, он наврал ей с три короба. Но не учел, что брат знает номер второй его симки. Услышав о беременности красивой любовницы Павла, брат понял, что нечего с нее взять, поэтому сдал Павла с потрохами. Маша, всхлипнув в телефон «любимый», и еще что-то, немного успокоилась, а этот развратный тип бесцеремонно меня разглядывал. Нет, я не стеснялась. Перед гуляками

и проходимцами я никогда не смущаюсь, наоборот, сильно злюсь. Но я не Венера Милосская, чтобы меня так разглядывать. Он, видимо, прочел по моим глазам недовольство и, чуть улыбаясь, спросил:

– В баре всю ночь гуляла?

– Представь себе, нет! Всю ночь я сосиски в печах караулила.

Я развернулась и пошла к такси, услышав за спиной смех. И чего он так смеется? Конечно, я выгляжу не очень. Даже душ не успела принять. Глаза заплыли, и по лицу как будто проехал танк. Остался отпечаток от вязаной кофты подруги, потому что я спала у нее на плече.

Маша вернулась в такси. Я не слышала, поблагодарила ли она Пашкиного брата, но даже если и нет, не страшно. За его грязные намеки я бы еще и по морде ему дала. Просто Маша беременная и воспринимает всё немного не адекватно.

По дороге я узнала, что Маша еще и не ездила к Деме, хотя мы должны были ехать к нему, а не к Пашиному брату. С чего она тогда решила, что Паша убит, вот ей-богу не пойму! Гормоны, всё гормоны. И сейчас мы направлялись домой (то есть меня везли домой), а Маша поехала в отель, где ее должен был дожидаться Паша. У меня было предчувствие, что он точно ее не дождетя и опять «умрет». Только в этот раз он не оставит вторую симку в телефоне.

Маша, забрав чемодан, в приподнятом настроении попрощалась со мной, обещав скинуть египетскую путевку на электронную почту. Инночка, Машина дочка, должна была пожить в Москве у бабушки.

Я была такой уставшей, что еле волочила ноги. Так и не дойдя до душа, я упала на свою кровать и уснула.

Обычно, я после суток сплю так крепко, что даже если бы в городе начался обстрел, я бы не услышала. Но в этот раз, именно из-за тишины я среагировала на скрип паркета в коридоре. Сначала показалось, что мне это снится. Я перевернулась на другой бок и поняла, что отлежала кисть левой руки. Я уже стала просыпаться, почувствовав, что хочется пить, но лень взяла свое. Я хотела снова покинуть реальность, отдавшись объятиям Морфея, как вдруг услышала шаги. Ах, это Инна! Опять пошла маму будить в три часа ночи! Когда она перестанет темноты бояться...

Машинально я попыталась уловить Машкин сонный голос, но снова услышала скрип паркета. Нет, здесь что-то не то. Если сейчас ночь, и Инна будит Машу, то почему так тихо, и кто это скрипит? Если поздний вечер, то почему нет никого? Должны быть голоса, и запах вкусного ужина, что приготовила Манюня. Вспомнив про ужин, я поняла, как сильно хочу есть, и снова повернулась на другой бок, уже отказавшись от мысли поспать. Нет, не может быть, чтобы Маша меня не разбудила к ужину. Значит, сейчас утро? Такое ранее, что темно? И где все? Снова послышался шорох. От любопытства я совсем забыла об инстинкте самосохранения. Наверное, это из-за того, что я еще до конца не проснулась и совсем не помнила, сколько я спала, и что было перед тем, как я уснула.

Я даже не надела халат, так и вышла в ночнушке. В коридоре я заметила незнакомый черный портфель. Дверь в Инкину комнату была приоткрыта. Я с изумлением подошла к ней. Даже сейчас я поражаюсь своему сонному спокойствию. В комнате я увидела молодого парня, осматривающего с пристрастием кукольный уголок Инночки. Я открыла дверь нараспашку и прокряхтела.

– Маловата для вас квартира будет. И, к сожалению, она не сдается и не продается.

И я сонно зевнула. От моего охрипшего голоса, который едва мне подчинился, незнакомец дернулся и резко обернулся. Его черты лица мне показались знакомыми.

– Вы кто? – Его голос мне тоже показался знакомым, но так как я еще плохо соображала, то ничего в голову не лезло. Я ответила:

– Взаимно. Вы кто? Я вас впервые вижу. И почему никого дома нет? Ходите тут, как слон, спать мешаете.

– А! Я все понял! – незнакомец расплылся в улыбке.

Боже, где же я его все-таки видела?

– Вы та самая Вика, что все время работает и спит! Меня зовут Павел, – и он протянул мне руку.

Я его смерила взглядом. Он что, серьезно? Думает, я ему дам слюнявить свою руку? И что за Павел, который думает, что я только работаю и сплю?

И тут у меня стали всплывать подробности. Я вспомнила этого мерзавца-мертвеца.

– Убитый братцем сбежавший любовник и... чей-то там муж? – цинично усмехнувшись, спросила я.

– Виктория, я так понял, вы в курсе наших с Машей планов? – ответил он вопросом на вопрос, подойдя ближе. Запах дорогой туалетной воды наполнил всю комнату. Кого же он мне напоминает? Почему эта мысль мне не дает покоя? И мягкий тембр голоса, чертовская улыбка...

– Пройдемте на кухню, я вам сварю кофе, а вы пока примете душ и оденетесь, наконец. А то на вас смотреть невыносимо, только колбасный запах «Юбилейной Кремлевской» меня останавливает. Мишка бы точно не сдержался! Он любит этот сорт, – засмеялся Павел, выходя из спальни.

Только сейчас я поняла, кого он все это время мне напоминал. Даже смех у него такой же, как у Михаила. Как они похожи с братом! Только Павел фигурой покрепче, он выше Миши, волосы у него длиннее и темнее, и легкая небритость делает его солиднее...

Я даже не заметила, что наблюдаю за ним, сравнивая с братом. На пороге кухни он обернулся.

– Так ты идешь в душ, или тебе составить компанию?

Меня словно облили кипятком, и я тихо, почти басом приказала:

– Вари кофе.

Я почти побежала в ванную. Блин! Что он себе позволяет? У меня опять защемило в боку, и закружилась голова. Я облокотилась на раковину и отдышалась. Так. Во-первых, я не могу понять, какой сегодня день. Я сутки проспала? Или сейчас раннее утро нового дня? Почему Павел не в Испании с Машей? Я посмотрелась в зеркало.

– Черт! – вырвалось у меня из груди. На мне прозрачная сорочка, что подарила мне Машка на Восьмое марта. Размышления о Павле совсем меня отключили. Я, такая спокойная, стояла перед ним почти голая. Бли-ин! Что он там вещал-то? Что меня спас запах сырокопченки, которую любит его брат? Меня затрясло, и я включила душ. Конечно, я приехала со смены и, так и не успев принять душ, свалилась в кровать. Я даже не помню, как переоделась. Так что же ему у нас нужно? Может, ему Маша дала ключи, чтобы он привез ее любимое платье? Или она в спешке паспорт забыла?

Я голову сломала, пытаюсь понять, что он здесь делает. Ну, а так это очень хорошо, что он здесь без Маши. Мне надо с ним серьезно поговорить. В ванной я поняла, что не взяла

с собой сменной одежды, и, надев махровый халат подруги, вышла в коридор. После горячего душа мне стало хорошо, но слабость не оставляла меня. Хотелось открыть окно настежь, лечь на кровать и подышать осенним сырým воздухом. Но из-за незваного гостя пришлось идти на кухню, где пахло эспрессо и яичницей. Бог мой, неужели Павел ее пожарил для меня? Мне стало смешно и любопытно. Чего он от меня хочет? Ну не клеит же?! Не думаю, что он до такой степени глуп. И я не его уровня. Я девушка с деревенской пропиской, простой заводской работник, к тому же выгляжу неухожено. Я могу понять, почему он заметил Машу. Маша следит за модой и за собой, имеет знакомства, хорошую работу, у нее тусовка среди людей его уровня. Там, собственно, она его и встретила. Я, молча села на стул и стала разглядывала его, пытаюсь понять, чего же он хочет. Павел стоял в фартуке и уже накладывал искусно поджаренную глазунью с зеленью и помидорами на тарелку. Потом он полил это блюдо приготовленным соусом и поставил рядом тарелочку с жареными гренками и нарезанным сыром. От одного вида такого блюда у меня желудок дал гудок.

– Наврал Машке, да? Повар ты, а не инженер, – сказала я, чтобы он не услышал урчания моего желудка.

Он улыбнулся, как голливудский мачо.

– Ты мне льстишь. Это у нас семейное. От бати досталось. У нас все по мужской линии хорошо готовят, изучают рецепты и экспериментируют.

Павел поставил передо мной тарелку и подал столовые приборы. Потом налил мультифруктовый сок.

– Хотел подать шампанское, но его не оказалось. А красное сухое к этому блюду не подойдет, – показал он на недопитую Машей бутылку.

Все эти его движения и манеры смотрелись настолько идеально, что мне стало противно. Не люблю таких парней. Чтобы отвлечься от мыслей, я взяла вилку и стала есть приготовленное Павлом блюдо. Оно было божественно! Вроде ничего такого сверхъестественного в нем нет, но этот соус и сухарики с сыром так сочетались... И что за травка добавлена?

Он с улыбкой смотрел на меня, отпивая из своей чашки эспрессо.

– Нравится?

Я чуть не подавилась, утвердительно махнув головой. Он молчал и смотрел на меня как голодный лев. Я быстро закинула остатки вкуснейшего блюда в свой желудок и увидела перед носом горячий кофе. Вот нахал! Как у него так получается ухаживать за дамой?

Я решила перевести тему.

– Скажи честно, что ты здесь делаешь? Никогда не поверю, что ты приехал сюда, чтобы покормить жильца своей любовницы.

После моих слов Павел засмеялся.

– Ну конечно, нет. Хотя, когда я тебя увидел, пожалел, что не был знаком с тобой раньше. Он внимательно посмотрел на меня своими зелеными глазами, и я пожалела, что отставила тарелку. Что он имеет в виду? А он как будто услышал мой вопрос и ответил:

– Ты интереснее Маши. Очень чудная и неприспособленная к иной жизни.

У меня подкатила волна возмущения, и я дрожащим голосом почти закричала:

– Похоже, тебе Маша была настолько неинтересна, что стала слегка беременной! Что думаешь делать?

Его лицо немного дрогнуло, но оставалось невозмутимым.

– Как беременна?

– Как все здоровые женщины. Что ты думаешь делать, я тебя спрашиваю?

– Ничего. Пусть рожает, если хочет. Это ее выбор.

Нет, ну не гад? Заделал ребенка, а потом: «Это ее выбор». У меня внутри уже все дрожало. Павел злил своим спокойствием и таким подходом к ситуации.

– Ты обещал на ней жениться, – сквозь зубы выговорила я. Тут он повеселел и, хитро глядя на меня, заявил:

– И ты считаешь, что она мне поверила. Вика, ты же умная девушка и понимаешь, что я не стану разводиться ради очередной «Барби», пусть даже беременной.

– Постой...

– Вик, ты все понимаешь. У меня бизнес, и на днях родится ребенок, наследник двух знатных родов. О каком разводе может идти речь, когда за моей жизнью охотится родной брат, и я не хочу идти у него на поводу? Конечно, все мое состояние останется законному сыну.

Кто бы знал, как он меня раздражал!

– Мне-то не пой песни про брата-убийцу. Придумай что-нибудь поинтереснее.

– А ты знаешь, как мы познакомились с Машей? – спокойно продолжил Павел. А ведь действительно, я понятия не имела, как они познакомились.

– На одной из байкерских тусовок Миша заметил красивую девушку. Что скрывать, когда девушка ищет парня, по ней это видно, а по Маше – тем более. Мишка это понял и пригласил ее в клуб, где тусовался я.

– Зачем?

– Это был его хитрый ход. Миша хорошо знал мои вкусы в выборе партнерши. И Маша очень похожа на мою первую сильную любовь. В этом был его расчет. Я брошу жену и будущего наследника, нарушив условия отца, и останусь без гроша в кармане, а стройка перейдет к нему.

Ну кому он все это говорит?!

– Бред! Какие могут быть условия к родному сыну!

– Я женился на условиях отца. Лена – дочь магната и с княжескими кровями, чего очень хотелось отцу. Перед свадьбой я подписал с отцом контракт: либо не разведусь с ней никогда, либо разведусь, но все потеряю.

За кого он меня принимает?!

– Обычно такой контракт подписывают с женой, – отрезала я.

– Так мое состояние уйдет жене, а фирма брату. Ну, в случае развода. Вот он и познакомил меня с Машей, а когда понял, что нас с ней устраивают такие отношения, решил меня ликвидировать.

– И об этом сказал тебе! Ха-ха!

Как же, устраивают Машу эти отношения...

– Нет, мне рассказали мои друзья, – бессовестно врал Павел. – Сообщили, что Миша затевает убийство. Поэтому я лечу в Испанию.

– Не с любимой женой и наследником, чтобы спрятать их от кровожадного брата, а с любовницей Машей? Хватит врать!

Но он был невозмутим.

– Лена защищена и ему не нужна. В случае моей гибели все пойдет по той же схеме. Фирма брату, деньги ей.

– А деньги ему не нужны?

Павел рассмеялся.

– Вот деньги ему точно не нужны! Ему фирма нужна. Это фанатик, понимаешь?

Я почувствовала, что у меня голова идет кругом. Мне стало противно и не хотелось больше разбираться в этой семейной саге. Для себя я давно поняла – все вранье чистой воды, но сейчас разоблачать и добивать его у меня не было никакого желания. Я встала из-за стола и сказала:

– Ну и зачем ты сюда пришел? Со мной на прощание познакомиться?

– Нет, Маша в спешке паспорт забыла.

– И ты его искал в детской?

– Нет, конечно. Я пошел туда посмотреть... Это что, допрос?

Павел подошел ко мне так близко, что от запаха его туалетной воды у меня началось легкое головокружение. Словно колокол раздался его голос у меня в голове.

– Вика, у тебя под халатиком ничего нет.

Меня будто ударило током. Да, действительно ничего нет. В ванной не оказалось моих вещей, и я надела только Машин банный халат. Я посмотрела на себя. Блин! Мой халат распахнулся, оголив грудь. Я стала перевязывать пояс.

– Зачем? Ты так девственно мила. У тебя давно не было мужчины? – Павел поднял мой подбородок, и я поняла, что сейчас поцелует. Меня затошнило, как будто не Маша, а я была беременной, и я со всего размаха дала ему пощечину.

– Козел! Вон из моего дома!

Я вытолкала обескураженного Павла в коридор. А он, держась за щеку, смеялся, словно его это забавляло. Меня же это злило еще больше. Получается, я его нисколько не возбудила, он специально заигрывал со мной, чтобы позабавиться. Он сунул ноги в туфли, я кинула ему его плащ.

– Придурок! Нахал!

– А спасибо за ужин? – подставил он щеку. (Так значит, сейчас не утро, а еще ужин?) Нет, это он мне? Ему мало? В какой-то момент я хотела вклеить ему еще раз или просто с лестницы столкнуть, но у него зазвонил телефон. Я открыла дверь и стала ждать, пока он выйдет из моей квартиры, но телефон звонил очень уж отчаянно, и он стал судорожно искать его. Павел вывалил из портфеля почти все и, наконец, нашел мобильник.

– Да, дорогая. Нашел, и еще твою Вику накормил. Она? Нормально. – Павел смотрел на меня хитрыми глазами. – Неблагодарная, правда. Диковата и, представь себе, соблазняла меня!

– Что ты мелешь?!

Я попыталась вырвать у него трубку.

– Вот сейчас голая на меня напрыгнула. Да ладно. Сейчас приеду.

Он повесил трубку, а я, как назло, сама того не желая, повалила его и сама упала сверху.

– Идиот! Она беременная, а ты ей эти гадости болтаешь!

Я смотрела на Павла и представляла, как душу его. Но у него было совершенно блаженное выражение лица.

– У тебя убийственный взгляд. Садо-мазо занималась? – спросил он.

Я встала с него, и мое тело полностью оголилось.

– Нет, здесь неинтересно. Я, как приеду, тебя в очень хорошее место свожу, – добавил он.

Павел сидел на полу и смеялся. Меня это еще больше взбесило. Какого черта он надо мной издевается? Сколько можно?! Я даже не запахнула халат и стала кидать его вещи

в портфель. Потом, взяв его за руку, подняла и вытолкнула в подъезд.

– Проваливай!

Я захлопнула дверь и отдышалась. Было обидно за Машу и за себя. Ну какого же она себе козла нашла! Мозгов меньше, чем у школьника! А богатый и красивый... Готовит классно, но такая сволочь! Тут мой взгляд упал на кожаную барсетку. Я совсем забыла кинуть ее в портфель. Схватив ее, я побежала на кухню к окну. Синий автомобиль неизвестной мне марки отъезжал от подъезда. Пока я открывала окно, он скрылся за углом. Ну вот. Теперь придется с ним еще раз встречаться. Ладно, в Египте отдам. Я пошла в коридор, кинула барсетку в свою большую рабочую сумку и пошла спать. Для меня это было законом: если меня будили с суток на ужин, то я обычно после ужина сразу ложилась спать. Да и организм этого требовал. Я и так была как в тумане, а непрошенный гость меня совсем выбил из колеи.

После таких эмоциональных событий я долго крутилась с боку на бок. Ныла спина, но заставить себя встать и попить кофе или чаю у меня не хватило, ни сил, ни желания. Я мечтала заснуть и, видимо, часам к одиннадцати вечера все же покинула реальность. Во сне я явственно увидела плачущую Машу. Она бежала по моему саду, что в деревне, ко мне навстречу и, плача, умоляла:

– Вика, Викочка, помоги мне! Найди его, я тебя умоляю! Мне страшно, Вика...

Тут зазвенела сирена, и грохнул снаряд. Мне стало так страшно, что я проснулась. Я поняла, что звонит мой мобильник, а упавший снаряд – это тоже он, но свалившийся с тумбочки. Я хотела протянуть за ним руку, но она онемела. Похоже, я как уснула на правом боку, так и проспала всю ночь. И кому это я вдруг с утра пораньше понадобилась? Еле дотянулась до телефона, и тут у меня бешено забилося сердце: неужели я смену проспала и на работу не вышла?! На экране я увидела незнакомый номер. Пальцы меня еще не слушались, но я кое-как сняла трубку.

– Слушаю! – прокричала осипшим голосом я.

– Здравствуйте, с вами говорит следователь Раменского МВД, майор Петров Алексей Романович. Вы Вика, сестра Марии Александровны Кондратенко?

Я не сразу поняла. Нет, ясно, что Кондратенко – это Маша, но почему звонит следователь? И почему он называет меня Машиной сестрой?

– Я... – мне хватило сил только прошептать это, больше ничего не смогла. И тут меня охватило страшное предчувствие.

– Тогда я вас жду через час у себя в кабинете. Вам удобно?

– Д-да... Но что случилось?!

– Не переживайте, приходите, я вам все объясню. Вам адрес сказать?

– Нет, я знаю, где это. Но...

– Тогда до встречи.

Он повесил трубку. Вот сволочь! Сначала напугал, а потом: «Не переживайте». Как не переживать? Маша должна быть в Испании! С этим уродом... Неужели влипла еще куда-нибудь? Она беременна, ей переживать нельзя. Я бегом рванула в ванную и встала под холодный душ, чтобы, наконец, проснуться.

После душа, выпив чашку кофе, я помчалась в старое здание МВД. По дороге я пыталась понять, почему Маша назвала меня своей сестрой, и как она оказалась в полиции, а не в Испании. Может, все-таки Павел ее обокрал? Хотя он на такой машине ездит, зачем ему это...

Так я, вся в своих мыслях, даже не постучавшись, вошла в кабинет. Передо мной сидел грузный мужчина лет тридцати пяти-сорока. Глядя на него, можно было предположить, что он редко стирал одежду, совсем ее не гладил, почти не мылся и не брился. Вид у него был совсем неухоженный. Холостяк, решила я. Он был очень полный, высокий, с большими выразительными глазами и большим ртом. Он широко мне улыбнулся.

– Ну, садитесь, что же вы стоите?

Я села. Как-то не ожидала я увидеть такого огромного майора. В телевизоре они все худощавые, невыспавшиеся, с помятым лицом, как у меня, например. А этот больше

смахивал на торговца гамбургерами в подземном переходе Москвы. Пусть на таджика он не похож, но за приезжего хохла вполне сошел бы.

– Виктория, значит. Вы, однако, раньше пришли.

– Вы мне не объяснили, что случилось. Где Маша?

Майор засопел и сказал:

– Вы сейчас все поймете.

Он взял со стола пульт и направил куда-то позади меня. Я обернулась и увидела телевизор. Там включилась запись автомобильного видеорегистратора. Петров быстро промотал запись вперед и остановил. И я услышала:

– Надо за Викой обязательно вернуться. В Испании у нее будет больше шансов удачно выйти замуж.

Этот голос, несомненно, принадлежал Маше.

– Зачем тебе Вика? У нас скоро будет большая семья. Скучать тебе будет некогда, – ответил мужской голос.

– Паш, я не могу ее одну оставить. Она без меня даже вовремя не поест, вовремя на работу не встанет... И у нее ужасная работа. Она там быстро постареет, и так и останется старой девой. Паша, Вика мы возьмем с собой. Она мне и по хозяйству сможет помогать.

– Да, цыпленочек, и гулять по клубам вы будете вместе, и шопингом заниматься, – саркастично заметил Павел. – Маш, ну кто она тебе, что ты о ней так заботишься? Она же грубая, дикая...

– Это ее жизнь такой сделала, – хлюпнула носом подруга. – Она всего добивается сама. На отпуск откладывала, вещи не покупала, в клуб не ходила, копила... Она даже в салоне красоты ни разу не была.

– Ну да. Вот в этом ты не смогла ей помочь. А одежду она не покупала, потому что ты, поди, ей одалживала свою...

– Ты вредина! Нельзя таким быть!

В этом я была с подругой полностью согласна. Да, это так, я брала Машкину одежду, но чаще не бесплатно, а покупала за треть от полной стоимости. Хотя были вещи, которые мне Маша просто дарила. Но не покупала я себе новую одежду не столько из-за экономии, сколько из-за моего безразличия к ней.

– Я говорю что думаю, – продолжил Павел. – Вика – приживалка. Устроилась очень удобно. Ты ее кормишь, следишь за ее здоровьем и графиком...

– Замолчи, Паш! Вика мне настоящая сестра, и даже больше чем сестра! Она так же обо мне печется, как и я о ней. Помогает с Инночкой и даже тебя ездила со мной искать, хотя сутки не спала. Ой, что это?

– Это за мной, – нервно ответил Паша. – Сейчас попробуем оторваться.

На экране показался грузовой «Мерседес», который пытался подрезать автомобиль Павла.

– Это брат? Разве он хочет нас убить? Паша, давай остановимся, не станет же он стрелять в беременную женщину.

– Этот станет.

– Паш, мне он сегодня показался нормальным...

– Это только показалось.

– Паш...

– Да помолчи ты!

В машину бился «Мерседес».

– Паш, он нас убьет!

Это было последнее, что крикнула подруга. Машина перевернулась. Ее задел грузовик. Хлопнула дверь, и послышались чьи-то мужские голоса.

– У него в сумке надо искать. В портфеле. Он всегда там держит его.

Хлопок двери. Возня.

– Нет там.

– Проверь.

– Да нет же.

– Бери портфель с собой. Я в багажнике проверю. Ты его карманы проверь, бардачок и сумку его телки.

От увиденного я похолодела. По телу побежали мурашки. Хоть и не было видно лиц Маши и Павла, но я отчетливо их представляла. Только слово «телки» заставило меня вернуться в реальность. Точнее, разозлило. Ну разве Маша похожа на телку?!

– Ничего нет, – разочарованно сказал один из мужчин.

– Уходим. Поехали. Надо машину эту спрятать.

Майор выключил запись.

– Теперь вы понимаете, почему я вас вызвал?

– Да, – выдавила я. – Маша...

– Она жива. – Это прозвучало как само собой разумеющееся. От неожиданности я встала. – Но я вас не отпускал. Присядьте. – Он дождался, пока я, вконец обессиленная, села. В голове было только одно: «Жива! Жива!».

– Из этой записи я понял, что вы для Марии являетесь самым близким человеком, которому она очень доверяет. Но я все-таки не понял: Маша имела в виду брата Павла Михаила или своего брата Виктора?

– Михаила. Брата Павла. Маша и Павел утверждали, что Михаил угрожал брату.

Я сама не верила себе. Бред! Как в кино... Но это случилось.

– Понятно. Вы когда-нибудь видели Павла?

– Видела. Вчера вечером. Время не помню.

– Вы сможете его опознать?

Что? Павел умер?!

– Павла? Он мертв?

– Да. У него был разрыв артерии. Он скончался в скорой. Крепкий человек был. Так вы сможете его опознать?

– Да. Хотя я...

Я не договорила свою мысль. Уж больно она заумной мне показалась. Я Павла видела всего один раз. Но мне его никто не представлял как Павла. Под его именем мог прийти кто угодно.

– А почему его не опознает кто-нибудь из родственников? – спросила я.

– Его отец болен, мать не в состоянии, жена в роддоме, а брат... сами понимаете. Он, разумеется, опознает, но нужно подтверждение.

Как-то это все странно. У него же должны быть друзья, коллеги. Почему именно я? Но мне было любопытно.

– Я опознаю.

Я хотя бы пойму, кто ко мне в дом приходил, решила я для себя.

– А где Маша?

– В районной больнице, в реанимации. У нее травма. Она пока в коме.

Я жертва чьего-то плохого сценария. Ее любимый погиб, она в коме, и только подруга накажет убийцу брата. Тьфу!

– Вы арестовали Михаила?

– Нет.

Ну вот. Я же говорила!

– Почему?

– Улик недостаточно.

– А запись, мои показания?

Нет, ну будут они работать или как?!

– Виктория, – широко улыбнулся майор, – по записи слышно только слово «брат». А что за брат, чей брат – непонятно. А ваши показания, конечно, учтутся, но этого мало. Вы видели, кто был за рулем?

– Там непонятно.

– Вот то-то и оно. Если б за рулем сидел Михаил, то вопросов бы не было. Хотя запись с регистратора не является достаточной уликой, чтобы посадить человека.

Ну, это он мне залил! Я разозлилась и, чтобы не сболтнуть лишнего, спросила коротко:

– Где морг?

– Вам туда пока рано. Сейчас ответьте на мои вопросы.

Так это еще было не все...

На весь последующий его допрос я отвечала сквозь зубы. Меня раздражал этот бомжеватый, ленивый майор. Зачем, спрашивается, я ему отвечаю на идиотские вопросы вроде: говорила ли мне Маша, где она будет жить, как она мне собиралась звонить, по какому номеру, в котором часу у них должен был быть рейс? Все эти вопросы были странными. Я не помнила даже фамилию Павла, и тем более не имела понятия, где они останавливались ночевать, и где именно в Испании хотели жить. Вот если б он меня спросил по существу: «Кто знает или может быть в курсе планов Павла и Марии?», – вот на это я бы ему ответила. Но он мурыжил меня: в котором часу я прихожу с работы, как часто я бываю дома, почему я оформляю визу. Просидела я у Петрова полтора часа. Я уже толком не понимала, о чем он меня спрашивает, и на что я отвечала, и только потом он повез меня в морг.

Как себя чувствует человек, когда впервые приходит в морг поглядеть на остывшие мощи знакомого, который еще вчера вечером угощал тебя изысканным блюдом? Я себя чувствовала не ахти. Я ничего не боялась, не боялась увидеть его в виде паштета... Просто мне местный запах совсем не нравился. Да и трясло от холода, несмотря на то, что я привыкла сидеть в холодильнике. На заводе очень холодно, но мы там надеваем ватные штаны и фуфайки. В этом костюме все сутки и работаем. Здесь же я как пришла в джинсовке, так и стояла в ней среди каталок с трупами. И этот специфический запах... Мой нос привык к заводскому дыму копченых мясных изделий, а не к запаху гниющих трупов. Я уже пожалела, что согласилась на опознание. Зачем, спрашивается, я поехала глазеть на остывшие останки Павла, а не помчалась в больницу к любимой подруге, которая считала меня сестрой? Ведь ей, возможно, требуется уход или лекарства. На глаза навернулись слезы, и в горле застрял ком. Я только сейчас поняла, что случилось с Машей и Павлом. Да, отпуск мне необходим, а то мой мозг уже отдыхает без моего ведома. Боюсь, что скоро я и работать буду, спя, как робот,

инстинктивно. Без мыслей и чувств...

Все-таки это был Паша. А кого, собственно, я ждала там увидеть? Да и Маша на видеозаписи называла его Пашей. Это был он. И не в виде паштета. Он был открыт до шеи, и его лицо выглядело вполне прилично. Я бы сказала, как живое. Я даже не сдержалась и потрогала. Это тоже, кстати, мозговой тормоз. Если бы я нормально отдохнула, то никогда в жизни не стала бы трогать трупы чужих мужчин. А я дотронулась до щеки. Она была ледяной.

– Мне тоже не верится, что он умер, – сказал кто-то за моей спиной. Я дернулась и обернулась. Это был Михаил. Он уже вырядился во все черное, отчего лицо его сделалось бледнее, чем у мертвого брата. По-моему, у меня задергался глаз. Почему его освещает лампа, как кинозвезду прожектор? Это намек на его святость? У меня опять потекли слезы. Вспомнился крик Маши: «Ты убил! Где он? Я сама его похороню... Скажи мне, где его труп? Будь человеком...». И вот теперь Михаил так спокойно рассуждает, похож его брат на труп или нет. Я смотрела, как его лицо расплывалось в свете лампы. А он, и, правда, ослепительно красив...

Это была моя последняя мысль, которую я помню. Потом была черная дыра и тишина. Когда появился свет, я опять услышала голос Маши: «Найди его, я тебя умоляю! Мне страшно, Вика...».

– Нашла... – скорее всего, беззвучно выдохнула я.

– Она же девушка...

Этот голос принадлежал Михаилу. Теперь его мелодичный тембр я ни с кем не спутаю. У его брата был такой же голос, но ниже на два тона. Раздался хрюкающе-крякающий смех.

– Ага, много ты видал баб, спокойно шупающих малознакомые трупы?

– Она не понимала, что делает. Это шоковое состояние. Поэтому она и сознание потеряла.

Как мило, Михаил за меня заступался... Тут я почувствовала, как по вене пошел горячий ручеек, и приоткрыла глаза. Надо мной сидела женщина и делала мне укол. Шприц был просто огромен, от его вида я чуть было снова не провалилась в черную дыру, но мне помешало хрюканье майора.

– Ха-ха! Да не от вида мертвеца она сознание потеряла! Она решила, что ты убийца, вот и грохнулась сразу к трупам, чтобы ты ее живой не считал!

– Не смешно.

И, правда, не смешно. Я что, упала на покойников? Фу! Жуть! От этого укола у меня разошлось тепло по всему организму, но и соображать я стала меньше. Здесь что-то не так. А что, я пока не пойму. Я спать хочу, но нельзя. Маша... Да, Маша! Ей гораздо хуже. Она в коме и не знает, что Павла больше нет. Когда придет в себя... Нет, я не представляю, каково ей будет. Эти мысли заставили меня подняться.

– Лежите, лежите. Вам можно будет встать через двадцать минут, не раньше, – обратилась ко мне женщина. Эти два хмыря, майор Петров и брат Михаил, набросились на меня.

– Пришла в себя, красавица? Да, опознание – это не для слабонервных.

Как этот жирный майоришка быстро перестраивается! И голос, и интонация – ну вылитый мент!

– А я думала, я баба, мечтающая ощупать труп незнакомца, – вырвалось из меня.

Майор кашлянул, а Михаил с делано заинтересованным видом спросил, как маслом

по засохшей корке:

– Ты себя хорошо чувствуешь?

Меня заколотило, слезы брызнули из глаз.

– А что, не видно? Я тут неизвестно где валяюсь, вместо того чтобы ухаживать за подругой, которая благодаря заботе брата, ее же любовника, оказалась в коме! Это ты, я смотрю, весь сияешь! Как бизнес, не жмет? Тяжело, поди, за братом донашивать?

Майор, наверное, не рассчитывал, что я увижу, как он, глянув на Михаила, показывает ему, мол, мадам-то – тю-тю. Вслух он сказал:

– Виктория, кофе не хотите?

Я промолчала, а он продолжил:

– Вера Ивановна, принесите Вике успокоительное.

Медсестра, бормоча: «Бедняжка, столько горя...», – скрылась за дверью. Михаил даже не изменился в лице, а только отошел подальше.

– Я оплачу лечение Маши. Переведу ее в хорошую клинику.

– Скажите, майор, вы за этим, – кивнула я на Михаила, – меня позвали? Вы ожидали, что я буду молчать за лечение подруги?

Майор опять хрюкнул. То ли хотел рассмеяться, но не стал, то ли от неожиданности.

– Дорогая Вика...

– Я вам не дорогая, – оборвала его я.

– Виктория, – крикнув, начал он, и опять так по-деловому, ни за что его не заподозришь в хамстве, которое он позволил себе буквально несколько минут назад, думая, что я не слышу. – Виктория, вы вправе высказать свое мнение. Если Миша виновен, то пойдет в тюрьму, будь он мне даже братом.

– У вас, я смотрю, это в крови. Убить, посадить, но бизнес не делить.

– А вам не угодишь.

Майор так мило это сказал... О, нет, неужели он со мной заигрывает?

– Я говорю, если Михаил его убил – сядет в тюрьму.

Как-то неправдоподобно это звучало. Как пыль в глаза, чтобы отвязаться. Или он заранее знал, что Миша никогда не сядет, мол, пусть сначала докажут?

Пришла Вера Ивановна с мензуркой с лекарством, таблетками и с чашкой чая, от которого пахло мятой.

– Выпей, детка, тебе полегчает, – заботливо подала она мне мензурку.

Я понюхала – пахло смесью валерьянки и то ли боярышника, то ли еще чего-то. Я быстро стала в голове перебирать: «Да как же там? Христос благослови? Или Богородица, радуйся? Нет, Богородица, дева, радуйся... А дальше? Благословенная в женах...». Вот если меня сейчас отравят, то я прямиком в ад попаду. Ни одной молитвы не помню. А бабушка мне говорила, что если отраву перекрестить с молитвой и выпить, то случится чудо – человек не отравится. Может, и сказки, но сейчас это мой единственный шанс. Я перекрестила мензурку. Вернее, постаралась перекрестить. Как умела, так и перекрестила, со словами про себя: «Христос, спаси». В этот момент я ни майору, ни Вере Ивановне, а тем более Михаилу не верила. Я поняла: они все заодно. А я, может быть, единственный свидетель. А этот майоришка выудил у меня все! Сейчас мне что-то укололи, теперь таблетками травят... Хотя, возможно, майор действительно из своих соображений верит Михаилу или прикидывается, что верит... Я ничего не понимаю, но береженого Бог бережет. Я выпила лекарство.

– Тебе надо обязательно сходить к кардиологу. У тебя очень частый пульс и низкое давление. Сделай ЭКГ и запишись к врачу. Не откладывай, послушай старушку Веру. Пей чай, согреешься.

Вера Ивановна будто втирала это в мозг, но очень мягко. Она вышла, и я подумала: как я могла ее заподозрить в моем отравлении? И даже спасибо ей не сказала! Хотя я уже давно сама поняла, что мне надо к врачу, но теперь необходимо заботиться о Маше...

– Тебя подвезти? Я тоже в больницу еду. На обратном пути могу до дома подбросить.

Михаил смотрел на меня сочувственно и внимательно.

– Спасибо, мою подругу уже подвезли. Нет желания составлять компанию твоему брату, – съязвила я.

– Тебе не стоит добираться на общественном транспорте.

Да что он так обо мне заботится? Ждет, пока я растаю от его зеленых глаз?

– Я вызову такси. И вообще, я сама могу решить, на чем мне ехать, тебя это не касается. Надеюсь, тебе не нужно объяснять, что от меня не стоит пока избавляться? Как сказал майор Петров, доказательств нет. Гуляй себе на свободе, коли совесть позволяет.

Мне показалось или он улыбается? Даже солнце из окна его подсвечивает. И когда мы с ним перешли на «ты»? Ой, так я же сама перешла... Ну, да ладно, что с ним церемониться. Тут квакнул майор.

– Виктория, вам не следовало говорить о мнении следственного отдела.

– Вы сами сказали, что доказательств нет, а мне жить надо. У меня подруга в коме. Раз вы его не сажаете, то и я молчу, только оставьте нас в покое. Мы вас не знаем и никогда не встречались.

Затем я обратилась к Михаилу.

– Лечение можете оплатить. Куда счет прислать?

Блин! Это что, я так быстро мнение поменяла? Нет-нет, не поменяла. Я просто хочу остаться в живых, поднять Машу на ноги, а там посадим этого братца. Будем действовать его методами. Он пытается меня усыпить своим обаянием – так поиграем его же способами. Изобразю испуганную дуру.

Михаил на меня внимательно посмотрел и, помолчав, ответил:

– Я поеду в больницу, поговорю с доктором и все сам оплачу. Тебе не стоит беспокоиться. У нее будут лучшие условия и самые профессиональные врачи. А сейчас я покину вас. Надо готовиться к похоронам, много забот.

Он пожал руку майору Петрову и, подарив мне долгий взгляд, вышел. Вот так. Убил братца и теперь устраивает ему пышный последний путь. О чем он думал, когда смотрел на меня? Взвешивал, стоит ли мне ходить по этой планете, или я лучше смотрюсь в гробу среди трупов, как сегодня, например?

Потом я выслушивала длинные тирады от майора Петрова, в которых имелось в виду, что я, дура, выдала себя с потрохами, головы у меня нет, язык, как помело, да что с баб можно взять, мозгов у нас меньше, чем у курицы... Конечно, все это он говорил интеллигентными словами, но смысл был такой. Ведь майор Петров – мастер перевоплощения. Теперь я понимаю, почему ментов называют оборотнями. Я представляю, как он будет, хрюкая, ржать, когда в своем отделе расскажет про меня, как я ошупывала труп, и как потом умоляла подозреваемого в убийстве не убивать меня. В общем, выслушав майора, я направилась в больницу к Маше.

Я сто лет не была в больнице. Последний раз – у нас в Грибоедовском районе. Та больница представляет собой здание, которое вот-вот рухнет, там кишат тараканы, крысы носятся, и никому ни до кого нет дела. Кто пришел, к кому – ни разу не спрашивали, да и медсестры на посту не бывает, а врачи кроме валидола и корвалола лекарств не знают. Как говорят, все лечат зеленкой с йодом. Там моя бабушка лежала, она все это мне и рассказывала.

Когда я вошла в здание Раменской больницы, то просто была шокирована. Там пропускной режим, как у меня на заводе! И столько персонала! Наверное, больше, чем больных. Я надела бахилы, и меня пропустили в реанимацию, но не к подруге, а к врачу. Ну а я, конечно, пошла искать Машу. Мне надо было убедиться, что она жива и на фарш не похожа.

У реанимации я долго стояла в сторонке, дожидаясь, пока дежурная уйдет пить чай. Она не уходила, и я решила подойти к ней.

– Здравствуйте! Меня зовут Виктория Ря... Кондратенко. Я родная сестра Марии Александровны Кондратенко. Она поступила к вам... недавно. Могу я ее увидеть? Мне доктор сказал, что можно к ней пройти.

– Вообще-то у нас не положено. Кто вам такое сказал?

– Я перевожу сестру на платную основу. Нам все положено, – отчеканила я.

Медсестра поджала губы. Видимо, я не похожа на человека, который мог бы перевести больного на платную основу.

– Вторая реанимация. Наденьте халат. Он висит в медсестринской. Только две минуты и тихо. Там лежат еще больные после операции.

Я, внутренне торжествуя, но и одновременно трясась от эмоций, переоделась. Открыв дверь реанимационной, я увидела, что над одной из кроватей стоит женщина, одетая в желтый плащ. В руке ее был шприц, который она вкалывала в капельницу.

– Кто вы? – спросила я. Мой голос показался мне очень громким, я даже вздрогнула. Потом я поняла, что это эхо в палате, так как там были высокие потолки и все в кафеле. Женщина дернулась, оставила шприц висеть, а сама бросилась к выходу. Я даже не успела ее разглядеть. Блондинка лет тридцати или сорока (хотя это большая разница). Я кинулась к кровати. Боже! Это Маша! Я выдернула капельницу и нажала красную кнопку вызова у кровати. Прибежали три человека, один из них – уже знакомая мне постовая медсестра. Она сказала:

– Ну, я же просила – тихо.

– Что случилось? – спросил худощавый доктор, трогая на руке подруги пульс.

– Зачем вы выдернули капельницу? – обратилась ко мне медсестра. Я, молча, указала на шприц. Медсестра удивилась.

– Я, наверное, забыла вытащить...

– А что вы ей вкололи, Леночка? – спросил доктор.

Лена засуетилась.

– Сейчас посмотрю...

– Не надо! – дрожащим голосом сказала я. – Когда я вошла, здесь находилась женщина в желтом плаще. Это она вколола. А я выдернула капельницу. С Машей все в порядке?

– Пульс ровный, – сказал врач. – Леночка, поменяйте капельницу. А нам с вами, – обратился он ко мне, – надо поговорить.

– Я осмотрю ее, – сказал другой доктор. Я же, прежде чем выйти, осторожно рукавом

халата выдернула шприц и положила его к себе в карман.

– Вы, я так поняла, полицию не собираетесь вызывать? – спросила я у первого врача, когда мы вышли из палаты.

Он пригласил меня к себе в кабинет и закрыл дверь.

– Кто вы такая? – спросил доктор, выделял каждое слово.

– Я сестра Марии Кондратенко. Виктория, к вашим услугам.

Доктор очень мягко улыбнулся.

– Хороший у вас молодой человек. Такая операция очень дорогая. Вам повезло, очень повезло. Теперь у вашей сестры есть все шансы встать на ноги. А как вы оказались в палате?

Стоп. Что за молодой человек? Это он про Михаила?

– Что с Машей? – спросила я.

У меня опять все поплыло перед глазами. Неужели все так плохо? Машу надо увозить.

– Ваша сестра повредила позвоночник в результате резкого удара. У нее случился выкидыш. Ну, я думаю, это к лучшему.

Я тоже так думаю. Хотя мне очень жаль маленького человечка, пусть даже и от этой семьи уродов.

– В нашей больнице нет возможности провести качественную операционную работу. Нужно оборудование и специалисты. Ваш молодой человек решил ее перевезти в Москву, в рекомендованную мной клинику. Так что все как нельзя лучше.

– Скажите, пожалуйста, кто эта женщина в желтом плаще?

Врач задумался и осторожно сказал:

– Это очень нехороший инцидент. Такого больше не повторится. Я прошу прощения за Леночку. Она молодая медсестра, вероятно, проглядела. А вы сами как попали в палату?

– Леночка проглядела, – съязвила я и снова задала свой первый вопрос: – Полиция будет?

– Послушайте, э... Виктория, нам не нужна антиреклама...

– Это беспредел! К моей сестре проходит незнакомая женщина и вкальвает, Бог знает что! А если бы я не успела?! Маша...

Я не договорила. Слезы сами потекли. Что-то я стала нюней...

Врач подал мне одноразовую салфетку.

– Я понимаю, как все это печально.

– Вы ничего не понимаете. Их хотели убить. Павел в морге, Маша в коме. И даже тут ее хотят убить.

Доктор озабоченно сказал:

– Послушайте, Виктория, в наше время никому верить нельзя. Даже врачам. Я бы сказал, тем более врачам. Хотите спасти сестру – увозите и никому, даже мне, не говорите, куда. Выписку о ее состоянии я вам дам. Дело за вами. Только... – Он помялся. – Не вызывайте полицию. Раз они не приставили охрану к вашей сестре, значит, хотят замять дело или вообще не возбуждать. А у нас репутация...

– Тогда до перевоза я буду сама охранять Машу.

Я вытерла слезы и успокоилась. Я не могла понять, как так можно: пускать пыль в глаза, мол, вот, лучшие врачи, специализированная клиника, а сам подсылает убийцу. Потом скажет: доктор свидетель, я все улаживал, чтобы поставить Машу на ноги.

Что же мне делать? Даже всех моих запасов не хватит, чтобы Машу перевести на хорошей скорой в другую больницу. Машина с нужным оборудованием и нанятыми

врачами дорого стоит. У меня нет таких денег. У Машиной мамы тоже нет. Где же взять такую сумму? Ответ пришел сам собой. Кто из Машиных друзей самый богатый? Кристина, ее закадычная подруга. Папа ее – депутат Госдумы, муж – крупный бизнесмен. Если я не ошибаюсь, Маша с ней дружит с детства, они часто вместе тусуются, где Маша и искала себе парня из приличного общества. Путь в это общество, конечно, лежал через Кристину.

У меня был ее номер телефона. Мы общались мало, без особого желания. Мне она не нравилась. Нет, она была обаятельная, интересная, веселушка. Даже добрая. Но меня бесит, когда изменяют мужьям! Я видела ее мужа, он такой поджарый, красавчик, к тому же начитанный. И он боготворит Кристину. Балдеет от ее полноты и даже сажает на колени... Я всегда со страхом смотрю на это. Мне так и кажется, что однажды его ноги выгнутся в другую сторону. Вот если бы у меня был такой Сережа (мужа Кристины зовут Сергеем), я бы сама его носила на руках и уж никогда бы не изменяла. Он умоляет Кристину родить, а та втайне делает аборт за аборт. Маше объясняет, что делает аборт только лишь потому, что не знает, кто отец будущего ребенка. А о способах предохранения она, наверное, вообще не слышала. В общем, я ее не понимаю. Сама Кристина даже при своей полноте выглядит ахово. Всегда свежий маникюр – это ее пунктик. У нее очень красивые овальные ногти и безукоризненно уложенные золотистые волосы. Еще у нее от природы длинные ресницы и выразительные голубые глаза. Голос, правда, низкий, так как она очень много курит. Зато одевается модно, а в бар – вообще отпадно. Я однажды видела, как Кристина и Маша собирались в бар. Ну, Маша как всегда куколка, а Кристина надела длиннющий шиньон, мини-юбку и ботфорты. Блестящую кофточку с таким разрезом, что и я не смогла сразу взгляд оторвать от ее богатства. Это при ее-то полноте! Она никогда не комплексовала и, что похвально, всегда была в хорошем настроении. И никогда даже не помышляла о диете! Живет и радуется жизни.

– Привет! – откашлялась Кристя. – А Машки у меня нет.

Я всегда звонила ей только для того, чтобы поговорить с Машей, так как Маша часто теряла телефон, или забывала его зарядить.

– Маша у меня. Точнее, в больнице. Кристин, дело серьезное, приезжай как можно скорее, она в реанимации.

– Да что ты! Сейчас...

Она бросила трубку. Да, сейчас я поняла, почему Маша ее так любит и выделяет из всех друзей. Ни одного лишнего вопроса. Она была в больнице через пятнадцать минут. И, видно, так спешила, что не накрасилась и приехала в тунике, которая по виду напоминала домашнюю одежду. Я вкратце ей рассказала, как все было. Она закусила губу.

– Надо покурить. – И огляделась. – Это кошмар, – сказала она. – Я говорила ей, что Пашка – это страшный лис. Плохая у них семейка. Лучше в нее не лезть и держаться подальше. – Она вздохнула, крутя пачку сигарет. – Ладно, я сейчас все улажу. Перевезем Машу в надежную клинику. Есть одна у меня на примете. Там главврач – свой человек.

Я так поняла, ее любовник.

– А как же специалисты? – спросила я.

– Да привезем мы ей специалистов. Через месяц будет на моем дне рождения плясать.

Как хорошо, когда есть такие друзья. Я даже заплакала, расчувствовавшись. Впервые меня Кристина ободряла, и мы с ней сблизились. Я поняла, что она настоящая, со своими недостатками и достоинствами. И как мне понравился ее спокойный характер!

Кристина велела мне идти на больничный, сама его оформила через доктора-любовника. Она даже приглашала у нее пожить, но я отказалась. Во всем должна быть мера. После того как мы перевезли Машу в другую клинику, Кристя повезла меня в ресторан «Ваниль». Только там я вспомнила, что с утра выпила кофе, потом днем чай Веры Ивановны – и больше ничего за целый день. В ресторане за едой я расспросила про эту странную семейку Павла. Кристина рассказала, что отец братьев работает в строительной фирме замом своего же сына. Мать поэтесса, очень привлекательная. Пишет песни для поп-звезд, посещает все тусовки знаменитостей. Живут в пригороде Москвы. Павел женат. С женой у них брак очень странный, но о контракте никто никогда не говорил. Впрочем, это мало кого касается. С женой его видели редко. Жили они раздельно, и ходят слухи, что Пашкина супруга не от него беременна. Михаил тихая личность. Знаменит среди байкеров. Работает в агентстве много, наравне с коллективом таскает коробки, плакаты клеит. Все его считают странным. На публике появляется с девушкой, но всегда с новой, и только тогда, когда этого требует этикет. Ходили даже слухи, что он гей, потому что одно время у него дома жил какой-то мужчина. Об этом узнала мать, устроила скандал и попала на нервной почве в психушку. Мужик тот съехал. Слухи стихли, как только Михаил стал появляться с девушками. Теперь про него говорят, что он бабник и лечился от сифилиса.

Вот так. Откуда такие подробности знала Кристя, я не представляю. Но, право, странная семья. Отец работает на сына! Михаил, бредя о стройфирме брата, фанатично выкладывается на пиар-агентство... Все слишком странно. И очень непонятный этот самый Михаил. Как говорят, в тихом омуте черти водятся...

Домой я приехала только в десять вечера. Ноги гудели, спина болела. Я чувствовала себя инвалидом. Интересно, мама Маши знает, что ее дочь в больнице? Открывая входную дверь, я твердо решила им позвонить. Еще не включив свет, я поняла, что в коридоре жуткий бардак – кто-то опять влез в квартиру. Но у меня почему-то не было, ни страха, ни паники. Я думала только о том, что мне теперь это все убирать. Если это был Михаил – что здесь забыл этот братоубийца?! Спросил бы у меня, я бы ему ответила. Зачем влезать в чужую квартиру и все переворачивать?

Наконец я пришла в себя и закрыла дверь. Что они искали? Искали еще в машине, в его портфеле... Тут меня осенило – барсетку! Я весь день таскала с собой эту сумку, в которую кинула вчера барсетку. К тому, что она тяжелая, я давно привыкла. Я себе специально покупаю большие сумки, чтобы в них могли вместиться банка кофе, чай, пачка сухариков, косметика, салфетки, телефон и все, что мне может понадобиться. Я достала барсетку и без зазрения совести ее растянула. Там было много кредитных карт, скидочных визиток и маленькая синяя бархатная коробочка, к которой была пристегнута красивая миниатюрная открытка. В открытке было написано: «Манюня, стань моей женой. Ведь я люблю тебя и Инку». Неплохо. Но он же мне вчера объяснял, почему он не может на ней жениться! Я открыла коробку и обомлела. Такой красоты я еще ни разу в жизни не видела. Золотое кольцо с вставкой из платины с бриллиантом ослепительной красоты! И еще маленькие серьги, и кулон, тоже с бриллиантами. Цепочка была очень тонкая, ажурная, усыпана мелкими бриллиантами, как крошкой. Это такая дорогая вещь! Сколько же это все стоит? Значит, он хотел на ней жениться? Я увидела корешки паспортов. Их было четыре. Я достала один паспорт и открыла его. С фотографии на меня смотрела Маша. Какая она красивая, милая... Как жаль мне ее. И тут я прочитала: Мэри-Джейн Уайт. Гражданство: США, адрес:

Нью-Йорк, Пятая авеню... Как это? Я открыла другой паспорт. Хуан Пабло Сальватьеро. Мексиканец, значит. Теперь я поняла, как он хотел на ней жениться. Неужели она это все знала? Знала, что будет жить под чужим именем, в чужой стране... Но зачем? Всего за одно утро начался этот дурдом, а сейчас уже вопросов больше, чем элементов в таблице Менделеева. Интересно, кто же все-таки квартиру перевернул? И что искали – паспорта, карточки, бриллианты? Кстати, карточки. Я их рассмотрела. Они были новые, иностранных банков. В глубоком кармашке я нашла книжечку с паролями, перед которыми стояла латинская буква. Если хорошенько подумать, то можно догадаться, к какой карте принадлежит пароль. Что же мне теперь с этим делать? В голову пришла только одна мысль: Кристина. Отдавать все Михаилу мне принципиально не хотелось. Да и бриллианты Машины – она ведь их заслужила. А карточки пока придержим. Я отомщу еще этому гею. Я им нанесу такой же визит. Наведу у них такой порядок, что они долго еще будут меня вспоминать. А для начала надо позвонить майору, что я и сделала. Но трубку взял не Петров.

– Полиция, Хохлов слушает.

– Здравствуйте, соедините меня, пожалуйста, с майором Петровым. Это срочно.

– С кем соединить?

– С майором Петровым. Имя не запомнила. Он полный такой, большой...

– Девушка, вы, наверное, что-то путаете. У нас нет никакого майора Петрова.

Я разозлилась.

– Это вы, господин Хохлов, что-то путаете! Я сегодня была у него в кабинете, давала показания, ездила на опознание... Вы давно работаете?

– Девушка, я работаю здесь двадцать лет. У нас уже три года как не было сотрудников с фамилией Петров. И полных следователей у нас сейчас тоже нет. Так что не стоит врать. Не давали вы показания. Если вам скучно, то включите телевизор, только не громко: после десяти вечера начинается комендантский час.

И он повесил трубку. Я даже слова сказать не успела. В голове крутилось: что это все значит? Я через мобильник вошла в Интернет. Нашла сайт МВД и стала искать Петрова. И вправду, нет такого. И даже рожи такой нет. Какая же я глупая! Я сама все ему рассказала. Как я живу, какой у меня график... Завтра, я с утра должна была ехать на сутки. Но у меня теперь больничный... В нервных рассуждениях я стала убирать вещи на место. Так и не заметила, что уже полтретьего ночи, а спать мне совсем не хотелось. Поняла я одно: замок не взламывали. Окрыли дверь ключом, и закрыли за собой. Все очень культурно. Обыскали квартиру, ничего не нашли. Где теперь будут искать? Сюда вряд ли вернуться. Значит, на работе поищут, а с ними там буду искать я. Я решила вычислить их, а заодно отомстить за мою ночную уборку. Всю оставшуюся ночь я просидела в кресле с остывшей чашкой кофе и не заметила, как заснула под утро.

Признаться честно, я даже не помню, что мне снилось. Разбудил меня будильник, который я забыла отключить. На работу-то теперь не нужно было идти. А я с бешеным сердцебиением вскочила с кресла с мыслью: «Только бы не опоздать!»

Чувствовала я себя разбитой. Тело ныло от неудобной позы в кресле, и я, как всегда, не выспалась. Обдумывая свои дальнейшие действия, я встала под душ.

Значит так. Павла убили. Зачем-то хотят убить Машу. Зачем? Если только у Маши были веские доказательства, почему Павла хотел убить Михаил. Допустим, Миша был в курсе, что она знает. Поэтому и подослал к ней в больницу женщину. Кстати, надо проверить шприц. Далее. Миша знал о бриллиантах или искал карточки и паспорт брата? Почему он не спросил меня о барсетке, а ворвался в мою квартиру с помощью Машиного ключа, который наверняка нашел в ее сумке? Где случилась авария? Куда они хотели лететь, ведь билетов в барсетке не было? Как попал майор Петров в МВД? Кто его туда пустил, если он там не работает?

Чем больше я думала, тем больше было вопросов. И на все эти вопросы мне нужно было ответить. Потом, я жутко хотела этому Михаилу навредить, ну хоть чем-нибудь. Так он меня достал!

Для начала я позвонила Кристине и договорилась с ней встретиться в больнице у Маши. Я долго думала, как мне одеться, и так как я решила лично навестить пиар-агентство Михаила, то мне нужно было изменить внешность, чтобы он при встрече меня не узнал. У меня, вообще-то, вещей очень мало, только самое необходимое и все очень простое. Пришлось позаимствовать наряды у Маши. Скрепя сердце я открыла ее гардероб. Не люблю чужое брать без спроса, но она еще не пришла в себя, а когда придет, я не уверена, что смогу ей всю правду выложить. Хотя, возможно, она вспомнит и догадается. Впрочем, ждать, пока она очнется, я не могу, поэтому (с угрызением совести) я пыталась выбрать то, что смогла бы надеть. Передо мной была цветовая гамма из ярко-желтого и ярко-синего цветов. Я подобрала себе синие брюки и синюю кофточку, кожаную жилетку с лисьим мехом и желтые сапоги. В таком виде я сама бы себя ни за что не узнала. И я терпеть не могу яркую одежду – только черное, белое, серое и коричневое. А тут – даже обувь желтая! Машу я видела в этом всего раз. Одно но: на таких каблуках я больше трехсот метров не пройду, придется вызвать такси. Потом я накрасилась, надела солнечные очки и рыжий парик. Маша покупала разные парики, но я ее в них не видела. Подозреваю, что парики предназначались для ролевых игр. Я переложила барсетку в Машину черную сумку, которую выбрала среди ее коллекции. Это была единственная Машина сумка большого размера, остальные маленькие. Затем вызвала такси.

Кристина меня узнала не сразу. Вернее, совсем не узнала, даже когда я сняла очки и заговорила с ней. Это меня подбодрило. Она же, когда разглядела, кто перед ней, басистым голосом засмеялась на всю больницу, на нее даже начали оглядываться врачи и пациенты.

– Вика ты в своем уме? Ты что на себя напялила? – сквозь смех проговорила Кристина.

Я не из тех, кто краснеет, но она меня засмутила. Неужели я с цветом переборщила? Да нет, Маша так одета была...

– Это из Машиного гардероба.

Кристина, смеясь, держалась за живот.

– Да тише ты! Уже вся больница сбежалась на тебя посмотреть, – шикнула я.

– Зачем мой парик напялила? Неужто в детектива играешь?

Так. Она зашла уже далеко, поэтому я взяла ее за руку и повела от греха подальше в больничное кафе. Там Кристина, наконец, успокоилась, а я достала бархатную коробочку и отдала ей.

– Вот. Посмотри. Это было в Пашиной барсетке, что он забыл у меня.

Кристина резко стала серьезной и открыла коробку.

– Пипец! Вик, вот теперь я понимаю, за что его мог убить брат. – Кристя осмотрелась и, увидев надпись: «Курение в общественных местах запрещено», откашлялась и позвала официанта. – Крепкий кофе принеси!

– Ты думаешь, он про них знал? – спросила я.

Кристя на меня серьезно посмотрела.

– Я ничего не думаю. Не наше дело думать. – Она достала сигарету и помяла ее пальцами. – Я предполагаю. Но надо проверить. Покажу это одному хорошему дядечке, посмотрим, что он на это скажет.

– А ему можно доверять?

– Этому можно, поверь мне. – Кристя сунула сигарету в рот.

– Вот ваш кофе. – Девушка поставила перед ней чашку. – У нас нельзя курить, запрещено.

У Кристины выпала сигарета изо рта.

– А почему кофе холодный? И почему без сливок?

– Но...

– Поменяй. Иди, давай.

Кристя недовольно закашляла.

– У меня вчера все перевернули, – начала некстати я. – В квартире кто-то рылся. Дверь Машинным ключом открыли. Барсетку искали.

– Я же сказала тебе, у меня живи. – Кристя достала новую сигарету. – Опасно там.

– Они ничего не нашли, значит, больше не придут.

– И поэтому ты так вырядилась? Боишься?

Я задумалась. А действительно, боюсь ли я?

– Нет. Я маскируюсь. Мне нужен адрес пиар-агентства Михаила.

– Не суйся. – Кристина сунула новую сигарету в рот. – Даже я не стала бы к нему соваться. Вокруг этой семьи темная аура, полная неразбериха, и Миша не так прост, как кажется, поверь мне. Я хорошо в мужиках разбираюсь. Пашка проще был, но и об него Маша зубки сломала бы. Юркий он был, двуличный. А Мишка – тот еще темнее.

– Разберусь, – сказала я. – Дай адрес.

– Не лезь, Вик. Я не хочу тебя по частям по всей Москве собирать. Ты не знаешь этот клан Высоковских.

Ага, Высоковские, значит. А почему клан? Они евреи?

– Что ты задумала? Искать убийцу? – спросила Кристина.

– Боже упаси! Я дала этому лицемеру обещание, что навсегда его забуду, лишь бы нас не трогал. Но он свое слово не сдержал. Правда, он мне ничего не обещал, кроме врачей и денежной помощи для Маши. Вместо этого подослал к Маше убийцу, весь дом мой перевернул. Я из-за него всю ночь убиралась, не выспалась. Сегодня – как размазня!

Я навещу его офис и наведу там порядок. Это будет моя маленькая месть.

– Ты с головой дружишь? Как ты к нему в офис попадешь? Что ты там сможешь сделать? И зачем? Это детский сад, Вика! – Кристя достала зажигалку.

– Дама, уберите сигарету. – Официантка принесла кофе со сливками. – Курение в общественных местах штрафуются по закону.

– Вали уже отсюда, – с этими словами Кристина достала тысячу рублей. – Вот штраф. Сейчас все равно больных нет.

– У нас сигнализация, – показала официантка на потолок.

– Отключи ее!

– Нельзя. Отдайте сигарету, – она протянула руку.

– Ну что за нахалка! Ты меня слышишь или нет? Я плачу штраф! Дай покурить спокойно! Иди!

Девушка ушла, а Кристина зажгла сигарету. Я молчала. Действительно, мое поведение похоже на поведение ребенка. Но я очень хочу поехать туда и отомстить, я не могу так все забыть. Если полиция куплена, то убийца гуляет на свободе, продолжает пытаться убивать, вскрывает чужую дверь и роется в чужих вещах, и все это безнаказанно! Пусть он богаче, со связями, но я найду способ хорошенько ему навредить, чтобы он запомнил, что деревенские девушки тоже не лыком шиты.

– Я знаю, Кристь. Но успокоюсь только после того, как навещу его. Потом, обещаю, забуду их.

Кристина усмехнулась.

– Не верю я тебе, подруга. Ничего у тебя не выйдет. Он Высоковский – это уже о многом говорит. Ну да ладно, пусть время вас рассудит. Только будь осторожнее и звони, если что. Ночевать ко мне приезжай. Мы с тобой все обсудим. Я подумаю, что можно сделать. А тебе другую работу надо искать.

– Зачем? Мне нравится моя работа.

– Эх, поверь тетушке Кристине, теперь ты не вернешься на свой колбасный завод. Их аура – заразная штука.

– Чья аура? Этого негодяя и убийцы?

Кристина докуривала сигарету и ухмылялась.

Я отдала Кристине шприц, что забрала из капельницы Маши. Кристя обещала его передать своему другу.

Маша так и не пришла в себя, но врачи были уверены, что состояние ее здоровья стабильное, и ей на завтра назначили операцию.

Я узнала, что агентство Михаила Высоковского находится в Москве, и поехала туда. Времени было одиннадцать часов, пробок нет, и до его офиса я добралась за сорок минут.

Вывеска меня весьма впечатлила. В этом же здании находилось и их семейное телевидение. Здание старинное, из серого кирпича, с подвальным этажом и задним двором. Таких домов в Москве немного.

Я зашла в офис. В холле было очень светло и уютно. Стоял большой стенд с рекламой о видах услуг, на стенах висели стенды с фотографиями рабочего процесса телевидения, фотографиями лучших сотрудников офиса, у кого день рождения и прочие.

Мне почему-то стало завидно. Появилось какое-то смутное чувство... Как можно быть настолько разносторонним человеком? Организовать такую атмосферу вокруг себя и при

этом завидовать брату, даже убить его... Как же так можно? Что-то здесь не то. Почему и Павел, и Маша считали, что Миша хочет убить Павла?

Мой взгляд остановился на фото Михаила, где он беседовал с сотрудниками. Кто сказал, что он хотел убить брата? Павел. В машине Маша тоже имела в виду его и никого другого, но это только потому, что Паша ТАК сказал. Мог он наврать? По сути, мог. Но зачем? Я с самого начала была уверена, что это блеф Павла. Я думала, что он, таким образом, задумал бросить Машу. Но он ведь хотел уехать с ней. Купил бриллианты, собирался жениться. Мне же соврал, что никогда не женится на Маше. Зачем? Кадрил меня, зачем же еще... Маше говорил обо мне гадости. Чтобы мы не дружили? Или действительно недолюбливал меня? Павел и вправду скользкий уж очень. Какой же тогда Михаил? Если он не убивал брата – зачем привел подставного Петрова? И как у него оказалась запись с регистратора? Он был заказчиком?

Мои мысли перебил женский голос.

– Вы по поводу работы? Проходите, пожалуйста.

Передо мной стояла девушка в белой блузке и синей юбке до колен. Она была почти не накрашена, волосы аккуратно забраны в пучок. Мы прошли в кабинет с табличкой: «Бухгалтерия». Там было три стола: один большой и два маленьких, а также кондиционер, большое окно с жалюзи и два шкафа. Я села напротив девушки и сходу начала обдумывать, что и как сказать.

– Ольга Алексеевна, мы получили копии ваших документов. Я показывала ваше резюме Михаилу Владимировичу, он его одобрил. Сейчас он занят, но через двадцать минут придет за вами на собеседование.

Я чуть в обморок не упала. Голова от волнения пошла кругом, и я даже сказать ничего не могла. Вот попала!

– Да вы не волнуйтесь так, – мягко улыбнулась она. – Он не монстр. Любит работу четкую, речь конструктивную. И у нас дресс-код. Светлый верх, темный низ. Как в школе. Мини носить нельзя.

– Почему?

Девушка почему-то сразу начала посвящать меня в подробности личной жизни начальства.

– Может, потому что он импотент? – захихикала девушка. – Кто знает. Может, ему обидно, что хочется, но не можется.

Меня все больше удивляли подробности его биографии, а еще (что не понятно) – зачем со мной так легко и просто ими делились. Я решила немного подыграть девушке.

– А разве он не гей? – спросила я.

– Да, наша бухгалтерша считает, что он гей, но Люда уверяет, что наоборот – импотент, – шпарила девушка. – Она у него в постели была, целовалась с ним, а он все прекратил. Потом ходил с таким видом, как будто ничего между ними не было.

– Может, Люда врет?

Ну а что, может и правда, создает себе имидж, например, секс-бомбы...

– Вообще-то, я тоже видела, как они целовались и вместе уезжали.

– Значит, врет, чтобы никто другой с ней не спал.

– Не думаю. Она злая была в тот день. Ой, – прикрыла рот девушка. – У нас сплетни запрещены. Не выдавай меня. Главбух очень строгая, жуткая мырма. Если узнает... У нее

климакс, стареть ей не хочется. Орет на нас, как больная. Так что молчок.

– А где она? Главбух, в смысле.

– Уехала в банк. Сейчас ситуация не из лучших. Начальник белый ходит, как покойник. Павел Владимирович попал в аварию и разбился насмерть, да и деньги с нашего телевидения увели. Сейчас на пиаре только держимся. Но наше агентство стройку не сможет на себе держать... Ой, что же будет... А точно мне зарплату будут платить, если такая ситуация?..

Вот болтушка! Перед ней чужой человек, а она и начальника грязью облила, и своего главбуха, да еще о проблемах в бизнесе рассказала. Зачем чужому человеку знать, что у этой семьи три бизнеса: стройфирма, пиар-агентство и телевидение?

– Хотя да, зарплата тут – как по часам, – ответила она мне. Тут зазвонил телефон. – Пиар-агентство «Молния», Екатерина, здравствуйте! Да, секундочку. Я сейчас уточню и перезвоню вам. – Катя повесила трубку и обратилась ко мне, – Я к Михаилу Владимировичу. Подожди меня.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/31c>